

E. O. Aboh. The emergence of hybrid grammars: Language contact and change. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. xviii + 346 p. (Cambridge Approaches to Language Contact.) ISBN 978-0-521-76998-3.

Елена Всеволодовна Перехвальская

Elena V. Perehval'skaya

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; elenap96@yandex.ru

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russian Federation; Saint Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; elenap96@yandex.ru

Среди многочисленных публикаций, посвященных контактному языку, выделяется новая книга Энока Або «Возникновение гибридной грамматики: языковые контакты и изменения»¹. Книга состоит из восьми глав: за Введением следует глава 2, посвященная внешней истории возникновения креольских языков Карибского бассейна. Глава 3 содержит критический анализ основных теорий происхождения креольских языков. В следующей главе 4 раскрывается теория «резервуара языковых черт», которая является базой для рассмотрения конкретных примеров (главы 5—7). Последняя глава 8 содержит теоретические выводы. Предисловие к книге написал известный креолист Салико Муфвене, автор теории резервуара языковых черт, в результате которой и написана эта книга.

Книга Або в некотором отношении подводит итоги более чем сорокалетнему периоду изучения пиджинов и креольских языков. Следует сказать, что в последнее время теоретические исследования в этой области «забуксовали», и новые теории являются версиями уже известных. Або сделал попытку найти оригинальные подходы к решению старых проблем. Так, он использует некоторые практики генеративной лингвистики, работая в рамках минималистского подхода. Сравнивая грамматику креольских языков с грамматическими системами языков субстрата и суперстрата, он рассматривает соответствующие глубинные структуры. Результаты, однако, служат лишь дополнительным доказательством выдвигаемых автором идей, но никак не решающим.

Або исходит из того, что языковые контакты являются одним из важнейших факторов изменения языка, и в своей книге стремится показать не только то, как возникают креольские языки, но и то, как происходят грамматические изменения в контактной ситуации в принципе. Або интересуется, прежде всего, языком индивида, потому что изменения возникают первоначально в языке конкретного говорящего, причем существует значительный временной промежуток между возникновением «изменения» в индивидуальном языке (I-language) и моментом, когда это изменение становится заметным на уровне коллектива говорящих (E-language)² [DeGraff 1999]. При этом Або оспаривает точку зрения, что эти изменения происходят вследствие несовершенного усвоения второго языка (second language acquisition, SLA). По его мнению, степень владения языками несущественна. «Языковой контакт» понимается им как сосуществование синтаксических и семантических единиц двух (или более) языков в голове одного и того же говорящего, то есть на индивидуальном уровне. Говорящий делает выбор между конкурирующими единицами, что и приводит впоследствии к изменениям в языке коллектива.

В заглавии книги автор использовал слово «гибридный», считая его нейтральным термином. С точки зрения Або, любой естественный язык является гибридным, поскольку

¹ Здесь и далее перевод наш.

² I-language — индивидуальный язык (Internal language); E-language — язык коллектива (External language).

каждый индивидуальный язык (I-language) обладает смесью языковых единиц (mix of features). Або является последователем теории «резервуара языковых единиц» («feature pool»), разработанной Саликоко Муфвене [Mufwene 2001; 2008]. В ситуации владения двумя языками (в том числе при изучении второго языка) говорящий обладает набором конкурирующих единиц, между которыми он должен сделать выбор. Это приводит к тому, что такой носитель систематически порождает гибридную ментальную грамматику.

Образование креольских языков рассматривается не как исключительный экстраординарный процесс, а как наглядный пример, который поможет прояснить более общие закономерности. Это происходит вследствие того, что известные нам креольские языки образовались недавно, и источники их «ингредиентов» не успели значительно измениться. Кроме того, в их образовании участвовали языки, далекие друг от друга как генетически, так и типологически.

Следует сразу отметить, что Або в своей книге несколько видоизменяет принятую терминологию. В стандартном варианте **пиджином** называется язык, не являющийся ни для кого родным (первым). **Креольский язык** появляется в процессе нативизации пиджина (он становится первым и, возможно, единственным языком коллектива). Для развитых пиджинов (например, для ток-писина), используется термин «**расширенный пиджин**». В книге Або креольскими называются все контактные языки такого типа, независимо от того, имеются ли нативные носители у этого языка. Термин «**Pidgin**» обозначает у него тот тип языка, который в креолистике носит название «**Jargon**», то есть примитивный контактный язык, служащий для очень узких коммуникативных целей.

Такое понимание терминов дает Або возможность постулировать образование креольских языков без необходимой стадии пиджина. Креольский язык у него возникает сразу без предварительных стадий. В моем изложении я буду в общем случае следовать терминологии Або.

В книге Энока Або переплетены два основных сюжета: 1) решается теоретический вопрос о путях возникновения креольских языков и 2) рассматриваются некоторые явления грамматики гаитянского (франко-креольский), сранана и сарамаккана (англо-креольские языки Суринама); явления этих языков скрупулезно сравниваются между собой, а также с материалом языков-лексификаторов и языком гунгбе (Бенин). На мой взгляд, второй сюжет значительно интереснее, в том числе и для решения теоретических задач.

Некоторые сомнения вызывает использование фактов языка гун, или гунгбе (родного языка Або), в качестве одного из основных языков субстрата. Вопрос о том, какие африканские языки оказались наиболее распространенными в Новом Свете, не прот. Работорговля велась на значительной части атлантического побережья Африки в течение нескольких сотен лет, при этом рабы отлавливались также в районах, далеких от морского побережья. Экономика нескольких африканских государств зиждилась на работорговле. Вследствие этого вряд ли можно указать на конкретный африканский язык или даже языковую группу как на единственный язык-субстрат.

Або использует данные гунгбе в своих теоретических построениях, и ему приходится доказывать, что именно этот язык был одним из основных, если не основным языком невольников на Гаити и в Суринаме. Установление конкретного языка субстрата необходимо Або, чтобы иметь реальный лингвистический материал при сравнении указанных языков. Доказательству того, что именно гунгбе сыграл существенную роль при формировании креольских языков Гаити и Суринама, посвящена большая историческая глава 2. Або подробнейшим образом описывает политико-экономическое положение царства Аллада, которое было расположено вблизи от Атлантического побережья (Гвинейский залив) на территории современной республики Бенин. По словам Або, в XVI—XVII вв. царство Аллада было одним из крупнейших государств Западной Африки, основу экономики которого составляла торговля рабами. По его мнению, до начала XVIII в. Аллада было одним из основных поставщиков рабочей силы на плантации Нового Света. Або приводит исторические данные, статистику, записки современников, подробно разбирает вопрос об этническом происхождении рабов, которыми торговало царство Аллада. Он приходит

к выводу, что на Гаити и в Суринаме значительную часть африканцев составили носители языков группы гбе (типологически близких), конкретно — представителей культуры народов аджа-тадо (Aja-Tado).

Або приводит классификацию языков гбе³, затем дает краткий очерк грамматики гунгбе (он сосредоточивается на порядке слов в предложениях различных типов, а также в ИГ). Предупреждая возражения, что язык субстрата мог измениться за несколько сотен лет, Або посвящает специальный пассаж «старому гбе», элементы которого известны благодаря миссионерским переводам священных книг, самый ранний из которых датируется серединой XVII в. Он демонстрирует, что основной словарь гбе сохранился, как и основные грамматические характеристики. В дальнейшем язык гунгбе фигурирует в книге в качестве языка субстрата.

В главе 3 проводится критический разбор основных теорий возникновения креольских языков. Сперва Або рассматривает теорию «поэтапного удаления от языка лексификатора» Р. Шоденсона (см., например, [Chaudenson 2001]). Согласно этой теории, креольский язык представляет собой девиантный вариант языка-лексификатора, возникший в результате нескольких этапов «удаления» от языка-суперстрата. В качестве исходной точки для развития франко-креольских языков Шоденсон постулирует «нулевой французский» (*français zéro*), который включает все варианты французского, реально используемые нативными носителями. Этот «нулевой французский» был «приблизительно» усвоен рабами на плантациях, затем новые невольники «приблизительно» усваивали «приблизительный» вариант и так далее. Главные опорные точки этой теории: а) языки субстрата не играли существенной роли в формировании нового языка, б) основным процессом было усвоение второго языка взрослыми. Шоденсон утверждает, что в креольских языках не может быть черт, которые не допускались бы языком-суперстратом (*The principle of superstrate as gatekeeper*), и что в креольских языках закрепляются только черты, оказавшиеся сходными в языке-суперстрате и в языках-субстратах (*The principle of congruence*). Последний принцип нужен Шоденсону, чтобы объяснить, почему креольские языки с одним и тем же лексификатором все же разные. В подтверждение своей теории Шоденсон приводит распределение указательных местоимений, артикля и показателя множественности в ИГ разных креольских языков. Або подвергает сомнению обе исходные идеи и на конкретных примерах опровергает утверждения Шоденсона, показывая, что далеко не все явления во франко-креольских языках можно свести к французскому, даже понимаемому максимально широко. Таковы, например, конструкции с фокализацией глагола путем его удвоения. Во французском языке невозможны конструкции типа *C'est volé Bokassa a volé l'argent de l'État* 'Бокасса украл государственные деньги', в то время как такие конструкции обычны для языка гунгбе. В данном предложении объединены элементы французской выделительной конструкции (*c'est...*) и конструкции фокализации с удвоением глагола, характерные для языков гбе.

Возвращаясь к строению ИГ во франко-креольских языках, Або замечает, что происхождение постпозитивного показателя множественности *yo* в креольских языках Гаити и Гайаны трудно объяснить, обращаясь лишь к языку-суперстрату. Этот показатель совпадает по форме с местоимением 3 л. мн. ч. *yo* 'они' и стоит после постпозитивного артикля *la (a)*: гаит. XVIII в. *sé mésié là yo* 'эти господа'. Шоденсон и другие последователи теории суперстрата возводят этот показатель к франц. *eux* 'они' (независимая или ударная форма). Речь идет о конструкциях типа *Tous ces prêtres juifs-là, eux complotèrent...* 'Все эти иудейские священнослужители, они устроили заговор...'. Как указывает Або, таким образом можно объяснить появление показателя в субъектной, но не в объектной позиции, ср. гаит. XVIII в.:

³ Замечу, что Клер Лефевр считает основным языком субстрата для гаитянского креола язык фон [Lefebvre 1998], ближайший родственник языка гунгбе, а Сюзан Сильвен утверждала, что гаитянский — это «язык эве с французской лексикой» [Sylvain 1936]. Эве весьма близок к гунгбе и фон, так что в отношении определения языка-субстрата мнения этих ученых, можно считать, совпадают с мнением Або.

Mo voir zhomme la yo ‘Я видел этих людей’. С синтаксической точки зрения местоимение *eux* в примере *eux complotèrent*, является полноценной ИГ (в отличие от *ils complotèrent*) и субъектом клаузы. Ее превращение в грамматический показатель маловероятно. Но даже если представить себе, что показатель множественности *yo* действительно восходит к ударному местоимению мн. ч. *eux*, это все же не обычная стратегия, возникающая при овладении французским как вторым языком. К тому же в других франко-креольских языках показатели множественности являются препозитивными и имеют иную этимологию (в маврикийском, например, это показатель *ban* из франц. *bande* ‘группа’).

Таким образом, теории, рассматривающие образование креольского языка как поэтапное удаление от языка-лексификатора и игнорирующие влияние языков субстрата на формирование креольского языка, не могут объяснить многих языковых фактов.

Далее Або переходит к рассмотрению «зеркальных» теорий, абсолютизирующих на этот раз роль языков субстрата при креолизации. Одной из наиболее популярных является теория релексификации Клер Лефевр [Lefebvre 1998], согласно которой грамматики будущих креольских языков полностью определялись грамматическими структурами африканских языков, на которых говорили невольники. По мнению Лефевр, «создатели креольского языка, взрослые носители субстратных языков», используя лексику французского языка, интерпретировали ее с точки зрения правил грамматики, семантических структур, парадигматических особенностей их родного языка. От языка-лексификатора передается только фонологическая репрезентация «слов» (phonetic strings). Абстрактное же «содержание» лексической единицы восходит к другому языку, родному языку говорящего. Примером может быть последовательность элементов ИГ в гаитянском и гунгбе:

- (1) а. ГАИТЯНСКИЙ
krab mwen sa a yo
 б. ГУНГБЕ
àgásá cè éhè ló lé
 краб 1SG-POSS DEM DET PL
 ‘эти вот мои крабы’

Французский язык демонстрирует иную последовательность, и при этом некоторые элементы исключают друг друга. Постпозитивный артикль является прагматическим средством в гаитянском, как и в гунгбе, и указывает на известную информацию; в противном случае используется существительное без артикля. Пример (1) легко объясним в рамках теории релексификации.

Существуют, однако, возражения и против данной теории. Термин «релексификация» ввел в научный обиход Петер Мэйскин [Muysken 1981], использовавший его применительно к контактному языку *Media Lengua*, появившемуся в двуязычном сообществе, где все говорили на кечуа и по-испански. В этом коренится принципиальное различие ситуации создания *Media Lengua* и креольского языка на плантации. Сопоставление «абстрактных свойств» (значений, употреблений, коннотаций, полисемии и т. п.) лексических единиц двух языков — это ментальный процесс, для осуществления которого нужно иметь неплохое знание обоих языков. Однако у Лефевр релексификация — это результат недостаточного или неудачного усвоения целевого языка: невольники не имели доступа к абстрактным свойствам лексических единиц и смогли заимствовать лишь «фонетические цепочки». То есть африканцы не смогли стать двуязычными и владеть как африканским, так и «колонизальным» языком. Тогда становится непонятным, как вообще могла произойти релексификация, поскольку для этого нужно понимать, что определенная «фонетическая цепочка» языка-лексификатора подходит для заполнения синтаксической ячейки африканского языка. Вряд ли это возможно без определенного понимания «абстрактных свойств» данной фонетической цепочки (ее значения и т. п.). Если говорящие способны поставить в соответствие две лексические единицы разных языков, следовательно они владеют этими языками в достаточной мере, указывает Або.

К тому же далеко не все структуры креольских языков соответствуют структурам языка-субстрата. Например, в гаитянском некоторые прилагательные употребляются в препозиции к существительному: гаит. *ñu gro gato* 'ART.INDEF большой пирог'; в гунгбе такого рода исключения отсутствуют. Эта черта была заимствована из французского языка. Почему те же говорящие, которые копировали субстратный порядок следования элементов в (1), в данном случае последовали за суперстратом? Если бы релексификация была единственным работающим процессом, то подобных примеров бы не было.

Как неоднократно указывалось, коренным противоречием теории релексификации является то, что она предполагает достаточно хорошее владение языком-лексификатором. Або делает вывод о том, что случаи, сходные с релексификацией, безусловно имели место, но она не была единственным или даже главным механизмом образования креольского языка.

В отличие от теорий, возводящих черты креольских языков к чертам одного из контактирующих идиомов (субстрату или суперстрату), в рамках генеративного подхода образование креольских языков объясняется как проявление **врожденной языковой способности** человека. Наиболее известной является теория языковой биопрограммы, выдвинутая Дерекком Бикертоном (см., например, [Bickerton 1981]). Возникновение креольского языка объявляется следствием разрыва языковой передачи, в результате чего дети-креолы оказываются в ситуации лингвистического и культурного хаоса. Не имея доступа к целевому языку, они из языковых обломков, которые представляет для них «input», используя врожденный «языковой инстинкт», создают полноценный язык. Новый язык создается на протяжении жизни одного поколения. Прослеживаются две стадии: 1) стадия пиджина, когда в отсутствие языка-посредника сообщество невольников вырабатывает «смешанный жаргон»; 2) стадия креольского языка, когда дети, воспринимая пиджин в качестве первого языка, организуют его в соответствии с лингвистической «биопрограммой».

Эта теория предполагает стадию полного разложения языка в качестве обязательного условия. Бикертон предположил, что существует особый вид лингвистической деятельности, характерный для четырех типов говорящих: обученных человекообразных обезьян; детей до двух лет; взрослых, лишенных языка в раннем возрасте; говорящих на пиджине. Дети-креолы создают язык, как когда-то их предки-гоминиды. При этом получившиеся креольские языки оказываются «проще», чем «более старые» языки. Для Бикертона креольские языки — прямой продукт врожденной человеческой способности к языку. С этой точки зрения он рассматривает сходные черты этих языков, а именно: а) строгий порядок SVO; б) отсутствие словоизменяющей морфологии и наличие трех морфем, кодирующих время, модальность и аспект в строгой последовательности T > M > A; в) почти полное отсутствие предлогов и употребление вместо них сериальных глаголов; г) отсутствие специализированных вопросительных слов; д) употребление числительного 'один' как показателя неопределенности и развитие показателя определенности из демонстратива; е) использование местоимения 3 л. мн. ч. как показателя множественности. Не все, но многие общие черты Бикертон возводит к действию биопрограммы, среди них отсутствие вопросительных слов, порядок следования показателей T > M > A.

Теория Бикертона неоднократно подвергалась критике. Критиковалось его разделение морфем на базовые и не-базовые: а) не-базовые морфемы, будучи утраченными, не восстанавливаются (большинство предлогов, словообразовательная морфология); б) базовые морфемы, даже будучи утраченными, восстанавливаются (ТМА, локативные адлоги, артикли). Базовые морфемы — это минимальный грамматический набор, необходимый для функционирования языка.

Або замечает, что в категорию не-базовых попали те морфемы, которые чаще всего отсутствуют в креольских языках, следовательно языки, где они отсутствуют, являются креольскими. Объяснение становится круговым. К тому же есть большое количество языков, где присутствуют не все «базовые» морфемы, например артикли. Если существует набор обязательных морфем, которые «восстанавливаются», почему же этого не происходит во многих

«более старых» языках? В соответствии с биопрограммой Бикертона, мы бы ожидали, что, начиная говорить по-китайски (или по-русски), маленькие дети формируют и используют артикли, которые затем исчезают под давлением норм и правил родного языка; что сначала в речи детей появляются отдельные глагольные показатели, отвечающие за ТМА, которые затем заменяются на сложную непрозрачную систему глагола (например, в русском языке).

И наконец, теория биопрограммы оказалась неспособной объяснить различные стратегии построения ИГ в креольских языках.

По мнению Або, все рассмотренные теории объединяет представление о том, что в формировании креольских языков определенную роль сыграли стратегии освоения второго языка взрослыми. В теории Инго Плага [Plag 2008] эта идея становится основной: креольские языки объявляются «окаменевшими» интерязыками на ранней стадии усвоения⁴. Исследования показали, что определенный процент тех, кто овладевает вторым языком без специального обучения, останавливается на «редуцированном упрощенном варианте», который удовлетворяет их коммуникативные нужды. Такие варианты, в соответствии с теорией Плага, и стали основой креольских языков. Интерязыки, как он утверждает, проходят следующие стадии: 1) однословные высказывания; 2) простые предложения типа NVN или NNV; 3) появление связей внутри клаузы: согласование элементов ИГ; 4) согласование между существительным и глаголом; 5) появление сложноподчиненных предложений. Так как креольские языки не имеют словоизменительной морфологии и, следовательно, согласования, они восходят к интерязыкам одной из ранних стадий (2-й).

Поскольку интерязык — это, по существу, идиолект, а креольский язык — это язык коллектива носителей, возникает определенная неувязка. Плаг предполагает, что все африканцы усваивали целевой язык сходным образом и одновременно вырабатывали интерязыки одного типа. Это представляется маловероятным. Африканцы были людьми разного возраста и с разной лингвистической историей, они прибывали из разных мест и в разное время и не были «группой, одновременно марширующей к цели». Або считает, что трудно представить себе сценарий, по которому такой гетерогенный коллектив остановился бы на одной и той же стадии усвоения целевого языка. Индивидуальные интерязыки представляют собой изменяющиеся неустойчивые системы, их трудно сравнивать и сводить к одному знаменателю, как это делается с языком коллектива (хотя он и варьируется от говорящего к говорящему). Кроме того, как указывает Або, у работающих на плантациях не было полноценного доступа к целевому языку, следовательно в построениях Плага исчезает «цель», а в ее отсутствие говорить об «интерязыках» не имеет смысла.

Итак, рассмотренные теории при всех их различиях объединяет представление о том, что креольские языки — результат неудачи в овладении целевым языком вследствие разных причин. Каждая из теорий стремится объяснить возникновение креольской языковой системы, взятой в целом, при этом упуская важные детали. Эти детали могут указать на то, как комбинировались разные «ингредиенты» контактирующих языков, сливаясь в единую грамматическую систему.

В подтверждение Энок Або подробно пересказывает историю креольского языка о. Питкерн [Sebba 1997]. В 1790 г. после бунта на корабле Баунти часть бунтовщиков оказалась на о. Питкерн. Основателями колонии были 9 матросов-бунтовщиков и 19 полинезийцев (6 мужчин, 12 женщин и один ребенок). Матросы были разного происхождения: 4 англичанина, 2 шотландца, один американец, один уроженец о. Гернси (Ла-Манш) и один выходец с о. Сен-Киттс в Карибском море — то есть английский язык был представлен пятью различными вариантами. Полинезийцы говорили на одном из полинезийских языков. Англоговорящая группа была, надо полагать, социально доминирующей, однако на острове

⁴ Интерязык — неустойчивая языковая система, которую вырабатывает овладевающий вторым языком: в зависимости от степени приближения к целевому языку можно говорить о вариантах интерязыков. Изучающий может так и не достичь стадии полного овладения целевым языком, а остановиться на одном из интерязыков.

площадью 5 кв. км обе группы должны были находиться в тесном контакте, осваивая новую территорию. Полинезийцы имели доступ к английскому койне и могли бы заговорить на нем, однако возник креольский язык. Через 10 лет, в 1800 г. на острове оставался один мужчина (Джон Адамс), 6 женщин и 23 ребенка. Женщины могли бы вернуться к родному языку, но этого не произошло — на Питкерне сохранился только креольский язык. Возникает два вопроса: 1) почему полинезийцы не овладели английским языком, хотя у них был к нему доступ, и 2) почему полинезийцы не вернулись к родному языку, оставшись в большинстве?

В главе «Конкуренция и выбор» (Competition and selection) Або излагает теорию «резервуара языковых единиц», выдвинутую Муфвене, и с этой точки зрения объясняет происхождение креольских языков, в том числе на Питкерне, предлагая ответы на обозначенные вопросы.

Теория Муфвене использует «биологическую метафору»: языковые единицы представляются в виде «генов», которые обычно упорядочены в виде ДНК (т. е. грамматической системы). При языковом контакте образуется «резервуар» таких единиц, которые конкурируют между собой, а говорящий делает выбор между ними. Так образуется идиолект конкретного говорящего, который затем влияет на формирование языка коллектива. Если многие рассмотренные выше теории происхождения креольских языков частично основывались на механизмах стратегий SLA, теория Муфвене обращается к механизмам взаимовлияния языков в условиях билингвизма. Або пишет об этом на с. 132: «Роль родившихся в колонии двуязычных носителей регулярно недооценивалась в предыдущих рассмотрениях возникновения креольских языков».

Або делает их основной движущей силой. Для того чтобы такое объяснение имело силу, Або посвящает значительную часть главы доказательству того, что на плантациях возникла ситуация билингвизма, то есть сосуществования двух (или более) языков, которыми говорящие владели в достаточной степени. По мнению Або, африканские языки — на Гаити и в Суринаме это гбе и киконго — продолжали употребляться в течение длительного времени (нескольких поколений), и африканцы овладевали и языками друг друга, что пополнило резервуар языковых черт. Або отрицает существование этапа, когда «не существовало общего средства коммуникации», и африканцы были бы вынуждены говорить **между собой** на недоученном языке плантаторов. Плантаторы, в свою очередь, вырабатывают «местный вариант европейского языка»; Або даже намекает на возможность того, что белые сами были заинтересованы в изучении африканских языков (с. 125), что мне представляется совершенно невероятным.

И тут в лингвистической картине, которую рисует Або, появляется креольский язык — «как язык-посредник между сообществами» (as a mediation language between communities) (с. 125). Далее следуют рассуждения о том, почему этот язык оказался удобным для обеих коммуницирующих сторон. Або считает, что он вытеснил африканские языки по тем же причинам, по которым повсеместно исчезают малые языки, то есть был социально более престижным.

Отличием позиции Або (тут он снова следует Муфвене) является категорическое отрицание стадии пиджина (pidgin-like stage) (с. 127—130). В качестве примера он приводит ситуацию в конце XVIII в. на Ямайке, где «белые креолы и африканцы говорили на креольском языке с рождения или **как на втором языке**» (полужирный шрифт мой. — *Е. П.*). Або терминологически не различает креольский как единственный язык индивида и пиджин, у которого нет нативных носителей. Термин «пиджин» у него носит пейоративный характер. Отрицая стадию «разложения» языка, Або приближается к теории поэтапного удаления Шоденсона. Чтобы избежать этого, он обращается к метафоре «язык = биологический вид», принадлежащей Муфвене, и рассуждает об «экологии языка» (т. е. о социолингвистической ситуации), необходимой для выживания вида (языка). Далее следуют рассуждения о генотипе, фенотипе и ДНК. Создание новых последовательностей языковых единиц называется мутацией. Або цитирует Муфвене, который, сравнивая креолизацию и образование романских языков под влиянием субстрата, утверждает, что победа латыни над

языками субстрата была «пирровой победой» (с. 134), поскольку язык оказался полностью перестроенным. Так же и при образовании креольского языка происходит рекомбинация единиц, полученных из обоих языков-доноров. В качестве конкретного примера Або приводит спектр значений глагола *nyan* 'есть' в сарамаккане — он оказывается сходным со значениями глагола *dù* 'есть' в гунгбе и т. п.

В заключение делается вывод: креольские языки — лингвистические гибриды. Они возникли путем рекомбинации языковых черт разных языков.

В дальнейших главах рассматривается конкретный языковой материал. Глава 5 посвящена системам именной детерминации. Производится детальный анализ систем креольских языков (гаитянского и двух англо-креольских языков Суринама), а также систем языков-источников: английского и французского, с одной стороны, и гунгбе, с другой. Автор начинает со сравнения употреблений артикля в гаитянском, французском и гунгбе и показывает, что, в отличие от французского, в гаитянском и гунгбе артикль выражает не определенность, а специфичность. Поэтому артикль может сочетаться с указательными и притяжательными местоимениями, а также выражает специфичную неопределенность. Гунгбе и гаитянский используют формы существительных без артикля. Сранан и сарамаккан также обладают показателями специфичности, и их употребление сходно с употреблением соответствующих показателей в гаитянском и гунгбе, хотя линейный синтаксис оказывается английским. Або сводит данные в таблицу, где представлены наличие и материальное выражение показателей специфичности, определенности и множественности во всех рассматриваемых языках. Делается вывод: креольские языки и гунгбе обладают показателями специфичности, употребление которых диктуется информационной структурой предложения, во французском и английском показатели определенности жестко подчинены синтаксической структуре. Вследствие этого креольские языки, обладающие жестким порядком следования элементов предложения и ГГ, допускают вариативность в отношении детерминантов внутри ИГ.

Далее рассматривается позиция данных показателей внутри ИГ. Материал представлен в виде таблицы, где сравниваются данные по всем шести языкам. Интересно, что разброс велик как между языками-донорами, так и между франко- и англо-креольскими языками. Або показывает, что из «резервуара» может быть выбрана любая языковая единица (feature), как материальная последовательность, так и функция. Другими словами, из языка-донора может перейти **значение**, которое будет передаваться **формой**, пришедшей из другого языка. При этом синтаксическое и семантическое поведение такой единицы может оказаться «гибридным». Так, показатель специфичности в сранане взял из языка-субстрата функцию, а синтаксическое поведение следует модели английского языка.

Глава 6 посвящена появлению сложных клауз в креольских языках: формированию левой периферии. Або рассматривает устройство зависимых предикаций в креольских языках, конкретно — в предикациях, вводимых союзом / предлогом *fi* в сарамаккане. *Fi* может вводить как зависимую предикацию, так и косвенный объект, покрывая область значений, которую в английском языке имеют *to* и *for*. Союз *fi* вводит зависимую предикацию, маркирует генитив, косвенный объект и выражает модальность. Из обзора литературы видно, что статус *fi* в сарамаккане неоднократно был предметом споров, поскольку набор его значений не выводим из английского. Або обращается к языкам гбе, показывая, что союз *ni* в гунгбе имеет сходный набор значений. Проведя тщательный анализ данных, автор приходит к выводу о том, что употребление *fi* в сарамаккане и других англо-креольских языках Карибии не копирует употребление соответствующих единиц ни в английском, ни в гунгбе, а является сложной рекомбинацией особенностей английских союзов и сходных по значению единиц гунгбе. Сходную картину демонстрирует и гаитянский: здесь имеется союз *rou*, который употребляется в конструкциях, где французский язык использует союзы / предлоги *pour* и *que*.

Важным выводом, к которому приходит Або, является то, что креольские языки вслед за языками гбе стремятся к эксплицитному выражению информационной структуры (это было уже показано на примере артиклей, глава 5). Так, сарамаккан допускает вынос влево

элементов, являющихся топиком или фокусом, в том числе и в зависимых клаузах. В английском языке это возможно лишь в главной клаузе.

Сарамаккан, как и языки гбе, обладает постпозитивным фокусным показателем. Общий вопрос строится при помощи частицы, занимающей конечную позицию в предложении. Обобщая, можно сказать, что сарамаккан, как и языки гбе, использует большое количество дискурсивных маркеров (указывающих на топик, фокус, вопрос). Многие из них имеют достаточно причудливое синтаксическое поведение, которое во многом оказывается сходным в креольских языках и в гунгбе.

Другим способом выражения информационной структуры являются вынесение влево предиката или его дублирование. Вынесение влево может сопровождаться номинализацией глагола. В конструкциях с вынесением предиката обнаруживается несходство между двумя близкими языками — срананом и сарамакканом: в сранане, как и в других креольских языках, элемент, вынесенный влево, маркируется препозитивным фокусным показателем, ср. гаит. *Se Poutin ki prezidan Risi* 'Президентом России является Путин'.

Таким образом, левая периферия в креольских языках комбинирует синтаксические черты языков гбе главным образом в том, что касается выражения информационной структуры.

Глава 7 посвящена сериальным конструкциям в креольских языках. Они характерны лишь для некоторых лингвистических ареалов. Або предполагает, что эти конструкции появились в креольских языках в том числе и потому, что эти языки менее флективны, чем их языки-суперстраты. Он приводит таблицу, где сравниваются черты глагольной морфологии в пяти языках: гаитянском, сарамаккане, английском, французском и гунгбе. Таблица демонстрирует, что в креольских языках и гунгбе имеются многие черты, которые отсутствуют в суперстратах, и наоборот. Многие показатели в креольских и гунгбе восходят к глаголам. Эти особенности способствовали появлению в данных языках сериальных конструкций, но это не доказывает, что эти конструкции появились в креольских языках под влиянием субстрата. Важно другое — в сериальных конструкциях задействованы не любые глаголы, напротив, глаголы одного типа могут сочетаться с глаголами другого определенного типа; так, в гунгбе имеется последовательность 'воровать-смотреть', но нет последовательности 'воровать-видеть'. В креольских языках глаголы движения сочетаются с глаголами, указывающими направление или способ движения, а также глаголами передачи. В этом отношении они отличаются от гунгбе, где нет таких ограничений. Сериальные конструкции креольских языков не копируют структуры гунгбе. К тому же в языках суперстрата также имеются сериальные конструкции типа франц. *aller chercher*. Можно считать, что гаитянский, заимствовав отдельные черты сериализации у французского и гунгбе, создал особые конструкции, не сходные ни с субстратом, ни с суперстратом. Тщательно проанализировав языковые данные, Або приходит к выводу, что сериальные конструкции в креольских языках возникли не под влиянием субстрата, а являются следствием действия правил универсальной грамматики и возникли в ходе конкуренции и выбора в «резервуаре языковых единиц».

В последней главе Або подводит итоги своего исследования. Он утверждает, что продемонстрированные механизмы образования «гибридных» грамматических систем не являются прерогативой креольских языков. Сходные процессы происходят при любых языковых контактах и могут затрагивать любые стороны языковой системы, правда, в разной степени. Рекомбинация лингвистических черт приводит к появлению новых синтаксических и семантических явлений, не похожих на черты контактирующих языков. Гибридизация происходит сначала на индивидуальном уровне, что может привести к изменению на уровне языка популяции.

Исследование Або демонстрирует также тот факт, что креольские языки, вопреки часто высказывающимся мнениям, не являются более простыми, чем языки с «обычной» историей. Нет смысла выделять их в особый языковой тип, ведь каждый идиолект любого языка является результатом выбора между конкурирующими единицами, будь то разные языки или разные диалекты (территориальные или социальные), функциональные стили и т. п.

Лексема рассматривается как единство трех компонентов: фонологического, морфосинтаксического и семантического: каждый из них представляет собой независимую «языковую единицу». При языковом контакте возникают конкурирующие единицы, между которыми говорящий делает выбор. Возникает вопрос, существует ли какая-то универсальная иерархия, в соответствии с которой некоторые единицы или их комбинации оказываются предпочтительными. Возможно, это отражает какие-то универсальные свойства человеческого языка.

Книгу Энока Або невозможно оценить однозначно. С одной стороны, тщательный анализ языковых данных, который демонстрирует, насколько сложным был процесс креолизации, является значительным вкладом не только в изучение конкретных креольских языков, но и в креолистику и теорию языковых контактов в целом. Некоторые возражения могут вызвать использование почти исключительно фактов языка гунгбе в качестве данных языка-субстрата. Я готова согласиться, что языки гбе сыграли важную роль в формировании креольских языков, но при всей их близости они все же различаются. К тому же немалую роль сыграли и языки банту (Або упоминает киконго). Они также могли (должны были!) внести свой вклад в процесс рекомбинации, ведь их «языковые единицы» также были в «резервуаре единиц».

Теоретические же построения Або не выдерживают критики. Отрицая стадию распада языка, Або вынужден примкнуть к мнению, что креольский язык — девиантный вариант языка-лексификатора, хотя он сам критикует Шоденсона за подобный вывод. Або отрицает, что имела место стабилизация переходного интерязыка, однако на с. 169 пишет о своем исследовании: «книга дает детальный анализ различных сторон данных языков, что проливает свет на то, какие именно учебные гипотезы (learning hypotheses) возникают у учащихся в процессе овладения и как именно различные лингвистические единицы могут рекомбинироваться в единую систему, которую представляет собой идиолект учащегося». Это многословное определение можно заменить одним термином: «интерязык» — при том, что теорию Плага автор ранее отверг как неверную.

Або настаивает на том, что «несовершенное усвоение языка» (imperfect language learning) не имело места и невольники на плантациях были билингвами. Тогда становится совершенно непонятным, зачем им вообще понадобился креольский язык. Або использует теорию «резервуара единиц» Муффене: с его точки зрения, поскольку на плантациях в «резервуаре лингвистических единиц» были перемешаны единицы очень далеких друг от друга языков, возникли креольские языки. Тогда почему они не возникли на родине Або — в Бенине и в большинстве других стран Западной Африки?

Наиболее слабая часть книги — описание теории «резервуара языковых единиц» при помощи биологической метафоры: языковые единицы уподобляются генам, а языки — биологическим видам и т. д. Использование биологической метафоры «язык = биологический вид» с сопутствующей терминологией ничего не проясняет. Сама теория «резервуара» страдает тем же основным недостатком, что и рассмотренные Або основные теории возникновения креольских языков: она объясняет какие-то факты, но не может объяснить **все** факты. В результате Або приходится возвращаться то к теории поэтапного удаления, то к теориям стабилизирующегося интерязыка или к теории универсальных стратегий.

Або хочет уйти от признания того, что креольский язык прошел «унизительную» стадию пиджина, но тогда приходится признать, что носители не смогли как следует выучить целевой язык или, обучаясь ему, остановились на интерязыке ранней стадии. Эта идея автора также не устраивает. Получается, что в какой-то момент благодаря «лингвистической мутации» на плантациях появляется креольский язык, настолько нужный обеим контактирующим сторонам, что на нем говорят даже дети белых колонистов.

Под термином «пиджин» Або понимает «примитивный пиджин», а более расширенные варианты он классифицирует как креольские языки. Складывается впечатление, что автор склонен отрицать существование, по крайней мере на плантациях Нового Света, упрощенных форм языка, таких как пиджин или интерязык одной из ранних стадий. Остается все же непонятным, зачем этим людям понадобился «контактный язык»?

Очень поучительной является история возникновения креольского языка на о. Питкэрн. Або объясняет это тем, что английский язык был представлен пятью разновидностями, а полинезийский только одной, следовательно в «резервуаре языковых единиц» было значительно больше единиц, принадлежавших одной из форм английского языка. Поэтому возник креольский язык. Мне кажется, это совершенно неубедительное объяснение. Я бы объяснила это иначе: полинезийки, оставшись в большинстве, не вернулись к родному языку, поскольку у них и был к нему доступ, но не было преданности (*loyalty*). По словам Н. Б. Вахтина, «люди не говорят на каком-то языке, потому что не хотят на нем говорить» [Вахтин 2001: 230]. Полинезийки стремились говорить на социально более престижном языке, однако остановились на той стадии, которая оказалась достаточной для их коммуникативных целей. Назвать ли этот язык интерязыком ранней стадии или пиджином, мне кажется, несущественно, это лишь вопрос терминов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	PL — множественное число
ART.INDEF — неопределенный артикль	POSS — притяжательное местоимение
DEM — указательное местоимение	SG — единственное число
DET — артикль	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Вахтин 2001 — Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. [Vakhtin N. B. *Yazyki narodov Severa v XX veke: Ocherki yazykovogo sdviga* [Languages of the peoples of the North: Essays on language change]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2001.]
- Bickerton 1981 — Bickerton D. *The roots of language*. Ann Arbor: Karoma, 1981.
- Chaudenson 2001 — Chaudenson R. *Creolization of language and culture*. London: Routledge, 2001.
- DeGraff 1999 — DeGraff M. *Language creation and language change*. Cambridge (MA): MIT Press, 1999.
- Lefebvre 1998 — Lefebvre C. *Creole genesis and the acquisition of grammar: The case of Haitian creole*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998.
- Mufwene 2001 — Mufwene S. *The ecology of language evolution*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
- Mufwene 2008 — Mufwene S. *Language evolution: Contact, competition, and change*. New York: Continuum, 2008.
- Muysken 1981 — Muysken P. Half-way between Quechua and Spanish: The case for relexification. *Historicity and variation in creole studies*. Highfield A., Valdman A. (eds.). Ann Arbor: Karoma, 1981. Pp. 52—78.
- Plag 2008 — Plag I. Creoles as interlanguages: Inflectional morphology. *Journal of Pidgin and Creoles Languages*. 2008. Vol. 23. Pp. 307—328.
- Sebba 1997 — Sebba M. *Contact languages: Pidgins and creoles*. Houndmills: Palgrave, 1997.
- Sylvain 1936 — Sylvain S. *Le creole haïtien: Morphologie et syntax*. Port-au-Prince: Imprimerie De Meester, 1936.